

*Епископ Уссурийский Иннокентий (Ерохин),
кандидат исторических наук,
викарий Владивостокской епархии*

Формирование и принципы деятельности Владивостокской корейской Миссии

Основное внимание православная миссия в Южно-Уссурийском крае уделяла корейцам, принимавшим русское гражданство и расселявшимся не только в пограничных, но и во внутренних районах региона.

Так, корейцы в середине 60-х гг. XIX в. устремились в пустовавшие рядом с границей места, подталкиваемые сюда неблагоприятными условиями на своей родине. Из-за наводнения и усиления голода в Корею приток корейцев в южные районы Приморья значительно увеличился с 1869 г. (по некоторым данным до 7000 чел. в год). В сложившихся условиях русская администрация разрешила переселенцам основать несколько приграничных селений, например, Тизинхэ, Янчихэ, Сидими, Монгугай (Краббэ) и др. Впоследствии корейцев расселяли в некоторых центральных районах Приморья, скажем, в долине р. Сучан. Например, в 1879 г. в различных частях Южно-Уссурийского края уже насчитывалось до 19 корейских деревень и выселков численностью от 28 до 844 человек. Правительство приняло решение разрешить всем корейцам, перешедшим на российскую территорию до 1884 г. здесь остаться и принять русское гражданство. Это создавало для православных миссионеров более благоприятные условия в деятельности, нежели в случае с китайцами.

Исследователи истории Дальнего Востока не оставили без внимания тему православной миссионерской деятельно-

сти среди корейцев в России. Можно отметить две позиции. А.А. Торопов обосновывает тезис о неэффективности корейской миссии и отсутствие больших результатов у миссионеров. По мнению исследователя, представители страны Утренней свежести настороженно относились к русскоязычным миссионерам. Предпочитая им миссионеров-протестантов, проповедовавших на корейском языке. А вот исследователь А. В. Алепко считает, что неудача русской православной миссии среди корейцев связана с неблагоприятной для России в начале XX в. политической ситуацией на Корейском полуострове. Другая точка зрения представлена в работах Н. Г. Мизь, Г. В.Прозоровой и др. Эти исследователи показывают фактические успехи православных миссионеров среди корейцев. Взвешенная позиция, отмечающая успехи и неудачи корейской миссии, характерна для работ А. И. Петрова.

Предыстория появления корейцев в Южно-Уссурийском крае показывает, что миссионерская деятельность среди них началась вынужденно, почти спонтанно, без предварительной подготовки и это обстоятельство в немалой степени повлияло на трудности в деле миссии, которые проявились позднее. Как известно, по благословию епископа Камчатского святителя Иннокентия (Вениаминова) первым миссионером среди приморских корейцев в 1865 г. стал иеромонах Валериан, приходской священник из Владивостока, который согласно церковному преданию построил для новообращенной паствы на Посъетском участке первую фанзовую часовню в с. Новокиевское. Эту историческую веху следует принять за отправную точку развития Владивостокской корейской миссии.

На ее становление пытались оказывать влияние государственные чиновники Дальнего Востока, предлагая быстро крестить в непродолжительное время всех тех, которые сами того захотят. Например, в таком духе генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков высказывался в 1870-х гг.,

обращаясь к епископу Камчатскому Вениамину (Благонарову). Позднее массово принимать корейцев в православие предлагалось и епископу Гурию (Буртасовскому), который вспоминал об этом так: «Приамурский генерал-губернатор барон Корф обратился ко мне со словесным предложением, не пожелаю ли просветить св. крещением более 10 тыс. корейцев, испрашивающих у него разрешения переселиться из Кореи в Южно-Уссурийский край, но им, начальником края, выражено обязательное условие для удовлетворения их просьбы, – сейчас же, по переселении, креститься и быть русскими... Я решительно отказался от такого странного предложения, выразивши барону Корфу основательные причины к отказу...». Руководители Владивостокской корейской миссии считали чуждыми для дела миссии задачи «гражданских деятелей, имевших в виду обрусение, ассимиляцию инородцев и пр.».

С точки зрения камчатских архиереев идеи дальневосточных чиновников противоречили принципам православного миссионерства, которые требовали осознанного и непринужденного крещения. Православная миссия среди народов Сибири началась уже в XVI–XVII вв. и ко времени присоединения юга Дальнего Востока к России имела значительный опыт. Так, просветительские труды среди инородцев совершались в миссиях Алтайской, Обдорской, Сургутской, Туруханской, Иркутской, Забайкальской, Камчатской и др. При этом во многих местах миссионерская работа организовывалась по образцу Алтайской миссии, возникшей с 1830-х гг. и считавшейся лучшей среди всех других подобных структур, действовавших в пределах Российской империи в XIX – начале XX вв., как наиболее приблизившихся к идеалу православного миссионерства. По примеру Алтайской в других миссиях создавали миссионерские станы с храмами и школами рядом с поселениями инородцев, переводили на местные наречия нужные книги, развивали благотворительную деятельность и т. д. Иными словами, миссионерские

станы становились своеобразными базами с целью проведения необходимой комплексной деятельности на определенной местности в радиусе до 30 – 50 км.

Корейские миссионерские станы впервые появились в Уссурийском крае не ранее 1870 г. (Южно-Уссурийский стан с центром в с. Никольское). Но с самого начала Владивостокская корейская миссия не обрела единого руководителя, как было, например, на Алтае. Дело перепоручили приходским священникам, сделав миссионерское служение одним из послушаний. Поэтому миссия, не получив освобожденных от других послушаний лиц, в каком-то смысле обрекла себя на первые неудачи.

Общее управление миссионерскими делами в Южно-Уссурийском округе Камчатской епархии осуществлялось через Благовещенский комитет Православного миссионерского общества, а камчатские архиереи, как могли, способствовали становлению процесса. Это выражалось, прежде всего, в расширении строительства церквей для корейцев. Так, в 1872 г. были воздвигнуты часовни во имя Иннокентия Иркутского в с. Корсаковка и еще одна – в с. Тизинхэ, через год сооружена часовня во имя Покрова Богородицы в с. Кроуновка. В это время на юге Приморья насчитывалось около 2 083 крещеных корейцев. Однако систематической работы с ними тогда еще не проводилось, так как совмещение приходских и миссионерских обязанностей не позволяло священникам вести постоянную и грамотную деятельность.

С 1882 г. в целях правильной постановки миссионерского дела среди иммигрантов в Приморье началось учреждение самостоятельных миссионерских станов, первый из которых открылся в с. Янчихэ. Здесь же в 1883 г. возвели церковь в честь Филиппа Московского и Иннокентия Иркутского. В том же году образовался второй, Корсаковский, стан, а через пять лет выделился новый, Монгугайский (Занадворовский) район. Еще через три года, в 1891 г., появились самостоятельные миссионерские центры, такие как: Пуциловский,

Синельниковский, Тизинхэнский, Адиминский, Зареченский и Посъетский станы, размещение которых можно проследить по карте Южно-Уссурийского края. Следовательно, в течение 9 лет в Приморье была создана территориальная структура в количестве 9 миссионерских станов. Фактически же самостоятельные священники находились только в двух местах, т. е. миссия развивалась медленно. Однако будет несправедливым этим самым принижать значение трудов церковных тружеников XIX в. Несмотря на трудности, среди миссионеров находились те, кто в это время выделялся ревностным отношением к своим обязанностям, например, священники Иоанн Верещагин, Александр Быстрицкий и Александр Новокшенов.

Кадровые проблемы в корейской миссии более успешно стали решаться в начале XX в., после образования в Приморье самостоятельной епархии, что в хронологическом плане указывает на начало с 1899 г. второго этапа развития Владивостокской миссии. С этого времени она оказалась под непосредственным управлением епископа Евсевия (Никольского), лично принимавшего участие в миссионерских делах. Проблемы в корейской миссии были рассмотрены уже на I епархиальном съезде духовенства, прошедшем в год открытия епархии. Одной из них по-прежнему оставалась нехватка храмов в миссионерских станах. Решение данной задачи осуществлялось в контексте общепархиального церковного строительства. Если в XIX в. первые миссионерские храмы внешне представляли собой обычные корейские фанзы, покрытые соломенной крышей, то в начале XX в. строились новые здания, в некоторых случаях ветхие деревянные церкви заменялись каменными постройками. Например, в с. Занадворовка старую часовню перестроили под новый храм, в с. Заречье вновь возвели добротную церковь-школу. Во многих случаях строительство финансировали сельские общества. К 1915 г. миссионерские церкви открылись в большинстве крупных корейских сел: Корсаковка, Кроу-

новка, Пуциловка, Синельниково, Сидими, Янчихе, Тизинхэ, Адими, Заречье, Барабаш, Фаташи, Краббэ. Три из них располагались к западу (в 15 – 30 верстах) от Никольск-Уссурийска. Остальные – к югу от Владивостока по побережью заливов Петра Великого и Амурского до границы с Кореей. Кроме того, существовали церкви походная Сучанская и Иннокентьевская во Владивостоке. В целом к 1917 г. численность миссионерских станов увеличилась в 1,5 раза, с 9 до 13 единиц, как явствует из сведений.

Вся миссионерская структура находилась под общим управлением Владивостокского епархиального комитета Православного миссионерского общества. Его главными задачами можно назвать: 1) содействие развитию миссии, 2) поиск материальных средств и 3) оказание материальной помощи миссионерам, церквям, школам и учителям. К деятельности комитета подключалось как епархиальное духовенство, так и гражданские лица – представители административных органов власти, преподаватели Восточного института, банкиры, купцы, казаки, крестьяне и др. Первоначально действительными членами комитета, внесшими членские взносы не менее 3 руб., считался 41 человек, через одиннадцать лет их количество увеличилось в 1,4 раза до 60 человек, еще через пять лет – в 3,6 раза – около 220 членов комитета. Ежегодно миссионерский комитет проводил собрания, на которых распределялись денежные средства и решались другие важные вопросы. Но, рассматривая отчеты этого епархиального учреждения, можно сделать вывод, что здесь в большей степени занимались решением материальных проблем миссии. В качестве способов их разрешения использовались распространение по приходам и персональным лицам воззваний и подписных листов, проведение кружечных и тарелочных сборов пожертвований в храмах.

В кассу комитета поступали также членские взносы, проценты от неприкосновенного капитала в банке, пособия из совета Православного миссионерского общества и миссио-

нерских комитетов из других епархий. Анализ сведений за 1902 – 1916 гг. показывает, что наибольшие годовые доходы составляли от 13 000 до 14 000 руб. в год. После 1905 г. денежные поступления стали сокращаться, что, понятно, было связано с кризисными явлениями этого времени в церковной и государственной жизни. Через пять лет, произошло новое падение сборов, особенно на территории самой епархии, причинами чего на этот раз явилось уменьшение числа благотворителей, ревновавших о делах миссии.

Конечно, комитет предпринимал ряд действий с целью побуждения верующих к соучастию в миссионерском служении. Скажем, для этого подробные отчеты о деятельности общества ежегодно публиковались во «Владивостокских епархиальных ведомостях» и издавались самостоятельными брошюрками. Тем не менее, это не приносило ожидаемых результатов: по Приморью за год собирали максимум 800 руб., что в среднем составляло до 3 % от общих доходов. Причинами такого явления стали: 1) общие проблемы материального обеспечения приходов, 2) малочисленность и сравнительная бедность православного населения края, 3) увеличение разного рода сборов по церквям, а также 4) непонимание, отдаленность от процесса миссионерства прихожан, большинству их которых были просто непонятны задачи православного миссионерства. Поэтому без поддержки из центра Владивостокский миссионерский комитет не смог бы нормально финансировать свои миссионерские программы. Большая часть сметы покрывалась за счет отчислений из совета Православного миссионерского общества и отдельных епархиальных миссионерских комитетов в европейской России (эти суммы в год составляли от 5 000 до 12 000 руб.).

Данные о расходах епархиального комитета позволяют утверждать, что в корейских станах пытались по примеру Алтайской миссии вести просветительскую и благотворительную деятельность, направляя средства, например, на содержание учителей и катехизаторов, лекарства и аптеч-

ки, социальную помощь инородцам, приобретение икон, настенных крестиков, учебников и пособий, издание книг и брошюр.

Отдельной статьей расходов являлось финансирование строительства новых церквей и школ в корейских селах. Но, с учетом небольшого прихода, значительных денег комитет выделить не мог, от 1 500 до 2 000 руб., что никак не могло обеспечить постройки на 100 %. Поэтому строительство миссионерских церквей могло продолжаться только при частной благотворительности. Например, так произошло в 1902 г., когда на новую церковь-школу в с. Заречье поступило 5 023 руб. 73 коп. Да и сами принимавшие православие корейцы постепенно брали на себя заботы о благоустройстве церквей. На волостных или сельских сходах решали сообща собирать пожертвования, например, в с. Пуциловка корейское общество выделило на новый храм 7 000 руб., а жители с. Янчихэ договорились между собой построить новый каменный храм стоимостью до 40 000 рублей.

Деятельность миссионерского комитета позволила улучшить содержание священников в корейских станах. Миссионеры получали жалованье, которое было выше приходского оклада не менее чем на 50 %, составляя от 1 000 до 2 400 руб., но следует заметить, что и дополнительных треб они практически не имели. Особое служение в корейских церквях мог проходить далеко не каждый священник, поэтому периодически происходила их ротация, совсем прекратившаяся лишь с 1910 г. Иными словами, на окончательное решение кадровых проблем во Владивостокской корейской миссии понадобилось 11 лет и таким образом в крае имелось не менее 13 миссионерских священников, что составляло примерно 8 % от общей численности духовенства.

Ставился вопрос о разукрупнении имевшихся станов и открытии новых, но эта тема оказалась дискуссионной, так как в условиях недостатка подготовленных кадров на эти миссионерские места нередко утверждались случайные люди.

Например, в ряде корейских селений некоторые священники служили, как и на приходах, по праздничным дням, в другие дни недели совершали требы, не распространяясь в глубину просветительского дела, не интересуясь жизнью паствы. Епархиальному архиерею приходилось призывать на миссионерское служение в станы активных приморских пастырей, например, архимандрита Аверкия, священника Григория Ваулина и др.

Специфика корейских приходов поставила задачу специального образования для священников-миссионеров. Решить эту проблему в начале XX в. было не просто. Во-первых, Уссурийский край находился вдалеке от учебных миссионерских центров русского Православия. Скажем, ближайшим учебным заведением к Приморью, готовившим миссионеров, была только Иркутская церковно-учительская миссионерская семинария, выпускники которой не очень хотели отправляться в Уссурийский край. Да и в целом школы, обязанные готовить будущих миссионеров, не приносили большой пользы, поскольку теоретическое изучение миссии и практическое миссионерство сильно различались. Например, в 1903 г. в Приморье прибыло 4 выпускника специального отделения Казанской духовной академии, но из них только двое остались служить в корейских станах.

Тема подготовки кадров стала одной из центральных на Иркутском миссионерском съезде, состоявшемся в 1910 году. В его работе приняла участие делегация Владивостокской епархии в количестве шести человек во главе с архиепископом Евсевием. Здесь на заседании пятой секции рассматривались вопросы миссионерской деятельности среди корейцев Приморья. По итогам обсуждения съезд рекомендовал назначить во Владивостокскую епархию викарного епископа с целью руководства корейской миссией. Весомое мнение делегатов съезда было услышано, и в 1912 г. в Приморье был направлен епископ Никольск-Уссурийский Павел (Ивановский), ставший ближайшим помощником пра-

вящего архиерея и куратором миссионерской работы по всей епархии. Поэтому с данного времени следует выделить третий этап развития Владивостокской корейской миссии, повысившейся по своему статусу.

Владыка Павел был прекрасно подготовлен к работе с корейцами в период своего пребывания в Сеульской Русской духовной миссии, где он оказался с 1906 г. Его перу принадлежит «Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края», вышедший во Владивостоке в 1904 г. Спустя год появилась новая работа – «Корейцы-христиане». Он глубоко проникся желанием донести до восточного народа библейское слово, стараясь организовать живую проповедь, для чего считал важным знать корейский язык, психологию и быт народа, часто посещать селения, многократно беседовать с людьми на религиозные темы. По словам о. Феодосия Перевалова, начальника Русской духовной миссии в Сеуле в 1920-е гг., отец Павел, находясь в Корее, одними своими стараниями куда больше влиял на психологию язычников, чем все вместе взятые катехизаторы. Он, выпускник корейского отделения Восточного института во Владивостоке, пока находился в Корее вместе с помощником перевел часослов, служебник, требник, избранные службы, а также краткую историю Ветхого и Нового Заветов. Отец Павел к тому же имел писательский и поэтический дар, оставив после себя на русском языке несколько книг и брошюр, одна из которых - «От святой купели до гроба (Краткий устав жизни православного христианина)», продолжает традицию русских миссионеров по христианскому просвещению (Иннокентий Вениаминов, Макарий Алтайский и др.). Одним словом, появление во главе Владивостокской корейской миссии епископа Павла стало знаковым событием.

Важнейшую роль для объединения миссионерских усилий начали играть епархиальные миссионерские съезды, первый из которых состоялся во Владивостоке в 1913 г., а пятый - в

апреле 1917 г., т. е. они созывались ежегодно. Проведение подобных собраний в Русской православной церкви, начиная с 1887 г., стало заметным явлением, восполнявших недостаток духа соборности в синодальную эпоху.

Согласно определению Св. Синода главными задачами миссионерских съездов были: 1) установление полезного для дела единства в действиях проповедников, братств, обществ и др. учреждений; 2) подробное изучение часто изменяющихся лжеучений; 3) выяснение вопросов миссионерской полемики и методики; 4) обсуждение школьной миссии; 5) изучение материальных нужд миссии. На съезды, проводившиеся в Приморье, обычно прибывали делегаты из благочиннических округов, а также другие заинтересованные лица, обсуждавшие более десятка вопросов в течение трех-четырех дней. Анализ опубликованных журналов заседаний свидетельствует, что их участники разбирали не столько материальные проблемы (как это часто было на епархиальных съездах духовенства), сколько именно пастырские. Например, деятельность миссионерских дружин, состояние церковного пения, способы воздействия на номинальных христиан, не посещающих храмы, проведение миссионерских бесед и др.

В 1914 г. был образован епархиальный миссионерский Совет во главе с владыкой Павлом. Это новое учреждение согласно утвержденным Святейшим Синодом правилам объединяло опытных в деле, как духовных, так и светских лиц с целью изучения состояния миссии в епархии и ее активного развития. Деятельность данного совета и миссионерских съездов в целом позволяла формировать круг деятелей, равнодушных к вопросам православного свидетельства.

В Приморье попытались самостоятельно решить вопрос с обучением будущих миссионеров, правда, к этому пришлось прийти через долгие годы проб и ошибок. Скажем, в 1913 г. на I миссионерском съезде было решено открыть во Владивостоке при церкви-школе в честь иконы «Всех скорбя-

щих радость» одногодичное катехизаторское училище для корейцев. Тогда же подняли вопрос об открытии трехгодичных высших миссионерских курсов на базе Восточного института. Но эти планы не были реализованы, скорее всего, из-за неблагоприятной общеполитической ситуации в государстве. Пожалуй, единственную возможность готовить будущих миссионеров для Владивостокской корейской миссии предоставляла учительская семинария, открывшаяся при архиерейском подворье на Седанке. Местное учебное заведение позволяло подобрать для дела миссии представителей из числа самих же корейцев. Насколько это было важным можно судить по одному из отзывов: «Наша корейская миссия ждет, по всей вероятности, своих природных деятелей. Мы, (русские миссионеры), им чужды во всех отношениях, а потому они и не идут за нами», - писал зареченский священник в 1903 г., указывая на необходимость подготовки кадров из числа местных жителей, знающих язык и обычаи народа. Епископ Евсевий частично видел выход в том, чтобы направлять пастырей учиться на корейское отделение Восточного института во Владивостоке. Имеются сведения, что начиная с 1902 г. в этом учебном заведении в разное время занимались иеромонах Павел (Ивановский) и о. Дамаскин, а также священники Константин Цивилев, Михаил Кессельман и Иоанн Коноплев, т. е. изучать корейский язык смогли лишь единицы русскоговорящих священников Приморья. Поэтому большие надежды возлагались на корейских юношей - выпускников церковных школ. Это подтверждалось жизнью, например, когда в крае появилось несколько корейцев-катехизаторов, то они оказались очень востребованными. Так, Василий Огай из Владивостокской Покровской церкви успешно работал в долине р. Сучан, где проживало до 15 000 корейцев. После его поездок в эти селения приезжал протоиерей Василий Попов, крестивший многие сотни человек. К 1916 г. в станах проходило служение три священника из числа природных корейцев. Следовательно,

во Владивостокской корейской миссии использовался метод инкультурации, выразившийся в подготовке клириков из числа местного населения и во введении в богослужение корейского языка, что является необходимыми предпосылками для успешного распространения православия.

В конце XIX в. очевидным было желание многих корейских переселенцев быстрее стать православными. Одним из побудительных мотивов крещения были, очевидно, сложности, связанные с положением иммигрантов в непривычном окружении. Скажем, некоторые русские переселенцы были не особенно дружелюбны к корейцам, пока те оставались некрещеными. А давние обитатели Уссурийского края – китайцы неблагоприятно смотрели на создание здесь корейских селений, как на конкурентов себе. Поэтому корейцы в крещении видели гарантии своего закрепления на Приморской земле, вхождения в русский христианский мир, так как для них православная церковь представлялась важной ветвью власти в России. Отсюда перед миссией в процессе иммиграции встает задача преодоления ложных социальных мотивов принятия православия. Епископы Камчатские надеялись, что этого можно будет достичь со временем, когда не останется корейцев-язычников, и некому будет соблазнять новокрещеную паству к отпадению от православной веры обратно в народную религию, а священникам удобнее просвещать людей.

В Южно-Уссурийском крае в начале XX в. проживали как корейцы, принимавшие русское гражданство, так и временно находившиеся на российской земле. В период с 1899 по 1916 гг. общая численность корейского населения постоянно возрастала, особенно после оккупации Кореи Японией в 1905 г. Согласно данным, указанным в таблице 1, в миссионерских станах Приморья русско-подданных корейцев проживало от 13 000 до 16 000 человек, в то время как в других частях края находилось от 15 000 до 25 000 человек (и даже больше).

Годы	1900	1903	1905	1907	1910	1915	1916
Крестилось	767	318	220	304	900	851	407
Православных	7000	8122	8114	9655	8222	9122	9973
Причастилось	-	3969	2062	1116	2261	-	-
Язычников	-	6358	5284	5361	-	6929	6130
Всего	7 767	14 798	13 618	15 320	-	16 902	16 510

*Подсчитано автором по: Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода за 1899 г. СПб., 1905. С. 107; Отчеты Владивостокского комитета миссионерского общества за 1902 – 1910 гг. // ВЕВ. 1903. №8. С. 169; 1904. №10. С. 217; 1908. №12-13. С. 329; 1910. №10. С. 308; 1911. №10. С. 319; Разумовский А. Указ. соч. // ВЕВ. 1906. №2. С. 36; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2749. Л. 36.

Отчеты показывают, что с началом нового столетия численность покрестившихся в станах продолжала прирастать по 2,5 – 4 % ежегодно, а в 1909 – 1915 гг. по 8 – 10 %. В общем, количество крещеных корейцев колебалось между 8 000 – 10 000 человек. В среднем это составляло около 50 % от всего населения корейских селений. Но в старейших станах, например, Корсаковском, Пуциловском, Синельниковском, подавляющее большинство населения (89 %) относило себя к православным. Более осторожно смотрели на христианство те, кто проживал в станах, созданных рядом с корейской границей. То, что к 1916 г. число крещений уменьшилось, можно объяснить изменением критериев подготовки людей, желавших принять православие, от которых требовалось знание и понимание основ христианской жизни.

«Поле» трудов Владивостокской корейской миссии не ограничивалось одними станами. Так, в других местах Приморья согласно сведениям из отчета в Св. Синод владыки Евсевия за 1909 г. проживало около 20 000 корейцев (как русских граждан, так и иностранцев), а покрестилось из них немногим больше 100 чел. Некоторыми исследовате-

лями приводятся данные о том, что в Южно-Уссурийском крае по неофициальным данным на 1910 г. находилось гораздо больше корейцев: до 100 000 чел. Таким образом, до этого времени активная просветительская работа с язычниками проводилась только в миссионерских станах. Чем и воспользовались пресвитериане, начавшие свою проповедь в приморских городах. Например, во Владивостоке к протестантам за один только год пришло до 800 корейцев, в Никольск-Уссурийске – около 100 человек.

Корейская миссия оказалась перед сложным выбором: либо ждать, пока народ осознанно подойдет к крещению, либо вообще его потерять для церкви вследствие мощной проповеди иностранных миссионеров. Этим можно объяснить то, что стали предприниматься энергичные меры по распространению православной проповеди среди корейцев, живших в разных частях края. Состоялись массовые крещения. Например, во Владивостоке, где епископ Евсевий несколько раз лично возглавлял торжество принятия православия корейцами. В Никольск-Уссурийске крещению предшествовал крестный ход от Никольского собора до р. Славянка, где крестилось сразу 253 чел. Владивостокская Покровская церковь под руководством ее настоятеля, протоиерея Василия Попова, превратилась в солидный миссионерский стан, в приходе которой числилось до 2 000 человек мигрантов. Подсчеты сведений из отчетов свидетельствуют, что с 1911 по 1914 гг. за пределами миссионерских станов принимало православие в среднем за год 2 600 корейцев. Значит, в Приморье к 1917 г. покрестилось от 18 000 до 20 000 корейцев.

Современники неоднозначно оценивали быстрое обращение в православие язычников. Одни считали, что всех корейцев, переселившихся в Россию, нужно как можно быстрее крестить. Другие им возражали, указывая на желание корейцев сохранять языческие нравы и поведение. На Иркутском съезде прозвучало такое суждение: многие корей-

цы во Владивостокской епархии крестились для того, чтобы быть принятыми в русское подданство; христианства они не знали и исполняли буддийские обряды. Примечательно, что когда русские войска потерпели неудачу в войне с Японией 1904-1905 гг., миссионеры почувствовали недоверие к себе со стороны корейцев, один из которых написал: «Боясь нашествия японцев, некоторые корейцы отрастили даже себе волосы (как известно, русского подданного и крещеного корейца можно узнать по коротким волосам)». Показателен, например, отзыв «одного корейца» о деятельности миссионеров: «Вот уже более 15 лет как продолжается просветительская деятельность наших миссионеров среди корейцев Янчихенского стана. За это время сменилось уже 5 или 6 проповедников... Внимание их почти целиком обращается на внешность – именно – на резание корейских головных шишек (из косы) и самый ритуал крещения. Крещеные корейцы не знают даже обычных молитв «Отче наш», «Богородицу», не мудрено, что они забывают даже имена, данные при крещении, а церковь идут в сущности лишь, когда их гонят туда...».

К формализму в деятельности миссионеров приводила «языковая проблема». Как показало развитие ситуации в Приморье в начале XX в., пока корейцы не получили возможность слышать в храмах родную речь, молиться на своем языке, христианское обучение сталкивалось с заметными трудностями. Попытки наставлять корейцев при помощи китайских переводов, разработанных Пекинской Духовной миссией, были безуспешными. Хотя китайцы и корейцы пользуются одними и теми же иероглифами, но выговаривают их различно, что и мешало успешной катехизации корейцев. Миссионерам приходилось пользоваться услугами переводчиков до тех пор, пока в 1909 г. в епархии не появились священнослужители и катехизаторы из числа коренных корейцев, а также печатные издания на корейском языке. В 1910 г. в Приморье из Сеульской мис-

сии доставили несколько сотен книжек на корейском языке (Евангелия, молитвенники и разные брошюры), интерес же к ним оказался таким великим, что не хватило для всех желающих. Настоятель Покровской церкви во Владивостоке составил два огласительных поучения, которое перевели на корейский язык и издали в количестве 3000 экз. для бесплатного распространения. Но наиболее существенные подвижки произошли после того, как в 1913 г. в епархии был организован переводческий комитет. Его постоянными членами стали 4 человека, в числе которых оказались председатель – епископ Никольск-Уссурийский Павел (знаток корейского языка), профессор Восточного института Г. В. Подставин, священник Василий Огай и катехизатор Иннокентий Цой. Труды комитета были исправлены ранее вышедшие издания и переведены на корейский язык многие богослужебные книги. В итоге к 1916 г. все миссионерские станы были снабжены богослужебными книгами на корейском языке, что позволило совершать службы на понятном наречии.

Миссионерский труд среди нехристианского по корням народа сталкивался с национальными особенностями и привычками. Например, женщина-корейка по традиции не имела права говорить с посторонними мужчинами и должна была, встречая священника, отворачиваться к нему спиной или прятаться. В корейских станах нормальным было развитие брачных отношений между мужем лет 30-ти или 50-тилет и женой – девочкой лет 12-ти – 14-ти и наоборот, что в свою очередь приводило к нежеланию венчаться, а затем к сокрытию от общественного взора новорожденных младенцев из-за стыда быть молодыми отцами или мамами.

Мешали успешной миссионерской работе особые условия бытовой жизни корейцев, отдаленность друг от друга, как небольших поселков, так и отдельных фанз. Поэтому сначала храмы обычно посещались только корейцами из близлежащих селений.

Однако наряду с тем, что в источниках приводятся примеры сохранения между крещеными иммигрантами двоеверия, в тех же материалах имеются факты и другого порядка: постепенного уменьшения численности язычников и ослабления их влияния на молодежь, утверждение в жизни крещеных корейцев христианских нравов. Например, в отчете за 1916 г. хотя и признается, что крестилось меньше, однако заметно больше стало проявлений добрых начал христианского образа жизни. Можно привести типичное сообщение миссионера за этот период: «Молебны большей частью совершались общественные, с водоосвящением и крестным ходом: во время деревенских общественных праздников, перед началом посева и по окончании полевых работ. Приходилось служить молебны и единоличные, по просьбе тех или иных лиц корейского населения: как-то на юбилеях, в дни рождений и за воинов, находящихся в рядах наших доблестных защитников. Панихиды служились в храме, в домах и на кладбищах». Деятельность старейших миссионерских станов (к примеру, Янчихэнского) ничем не отличалась в добром смысле от обычных приходов епархии.

Суммируя ряд данных, нужно заметить, что использование во Владивостокской корейской миссии метода инкультурации в начале XX в. создало благоприятные условия для введения в быт корейцев христианских основ жизни, например, более частое посещение храмов, приглашение на дом священников, прекращение работ в праздники, крещение новорожденных в раннем возрасте, размещение в домах святых икон, проявление заботы об украшении и сооружении церквей. Одной из причин изменения дел в лучшую сторону стало также расширение церковно-школьного обучения.

Как было сказано выше, Владивостокский епархиальный миссионерский комитет выделял часть своих средств на корейские школы, игравшим ключевую роль в улучшении образования иммигрантов. Обратившись к имеющимся сведениям в таблице 13 по южно-уссурийским станам, можно

заметить, что если в начале XX в. действовало 11 церковных школ, то к 1917 г. их количество увеличилось в 2,3 раза, достигнув числа 25. Вместе с этим выросла и общая численность учащихся на 54 %.

Таблица 2.
Количество школ и учащихся в миссионерских станах
Южно-Уссурийского края

Годы	1900	1903	1904	1905	1907	1909	1910	1915
Цер.-приходские	11	15	16	16	26	20	23	25
Школы грамоты	15	15	14	14	0	0	0	0
Учащихся	740	1082	1035	820	812	872	856	1375

*Составлено автором по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1899 г. СПб., 1902. С. 60; ... за 1900 г. С. 140; ...за 1901 г. С. 108; Отчеты Владивостокского комитета миссионерского общества за 1903 год. С. 233; ...1907 г. С. 370;... 1909 г. С. 310; ... 1910 г. С. 325; ...1915. С. 525.

Спад 1909 г. объясняется общим явлением для епархии, когда министерские чиновники пытались перевести церковные школы под свою опеку. Новые школы открывались практически ежегодно, состояние которых у корейцев было даже лучше, чем в русских поселениях. Это вполне понятно, так как родители хотели, чтобы их дети могли свободно ощущать себя гражданами России, говорить по-русски, знать обычаи своей новой родины. Можно, к примеру, привести высказывание благочинного миссионерских церквей свящ. Григория Ваулина, написанное в 1916 г.: «Почти нет ни одной деревни, где бы не было школы – даже в небольших выселках,... и со стороны учащихся никогда не бывает жалоб на корейцев в недостатке дров, освещения и проч., что очень часто наблюдается в русских селениях». Получая определенную материальную помощь от миссионерского комитета, корейцы сами строили добротные школьные здания, несли расходы по содержанию учебных помещений, наем сторожей и платили учителям не менее 50 % от величины жалованья. В станах существовало 5 двухклассных

школ. Исследование источников указывает, что одной из показательных явилась Владивостокская Покровская школа, открывшаяся для детей из так называемой «корейской слободы». Очень важным здесь оказался принцип совместного обучения корейцев и русских.

Одной из серьезных проблем для корейских школ Приморья стало значительно меньшее количество занимавшихся в них девочек, чем мальчиков, что было вызвано известным отношением к женщине на востоке. Так, доступные статистические данные говорят о том, что в 1904 г. мальчиков было 911, а девочек всего 124 человека, в 1907 г. – 771 мальчик и 41 девочка; в 1910 г. – 788 мальчиков и 68 девочек, т. е. в общем составе учащихся удельный вес женской половины занимал всего 7 – 11 %. Иными словами, опыт показывает, что не следует пытаться резко ломать определенные сложившиеся привычки, и лишь время вместе с постепенной христианизацией общества мигрантов преобразит их бытие.

Для роли воспитателей детей также необходимы учителя из самих же переселенцев. Например, в Приморье миссионерский комитет стал включать в преподавательский состав подготовленных учителей-корейцев. С 1907 г. такие педагоги были почти везде, они хорошо знали жизнь своего народа и прилагали большие силы для привлечения к обучению девочек. Наиболее лучшие результаты подлинного воспитания приносили те учебные заведения, в которых имелись школьные общежития, где дети жили и воспитывались в течение всего года. Это позволяло развиваться и закрепляться у подростков началам христианского образа жизни.

Одним словом, при всей обоснованности критического отношения к действиям Владивостокской корейской миссии невозможно отрицать того, что спустя примерно 40 лет от начала ее развития, проповедь Православия среди иммигрантов начала приносить положительные результаты. Рубежом качественного перелома стал период 1907-1910 гг., когда корейцы начали постепенно приобщаться к общепар-

хиальной и церковноприходской жизни, выходя из замкнутого общества своих станом .

Таким образом, анализ становления в середине XIX – начале XX вв. Владивостокской корейской миссии позволяет выделить три этапа, в течение которых происходило ее последовательное оформление в особую структуру: 1) с 1865 г. (строительство первой часовни в корейских поселениях), 2) с 1899 г. (образование Владивостокского епархиального миссионерского комитета), 3) с 1912 г. (назначение во главе миссии викарного архиерея Владивостокской епархии). Ее устройство и деятельность могут быть поставлены в один ряд с другими известными православными миссиями, внесшими заметный вклад в область просветительско-миссионерского служения в восточных регионах. Организация работы проводилась как по территориальному принципу (миссионерские станы), так по «походному» (развитие миссии на обычных приходах). Основными просветительскими средствами были как обрядовые (совершение богослужений, проповедь), так и вне богослужебные (создание кружков ревнителей православия, организация собеседований в храмах, проведение торжественных крестных ходов, создание миссионерских дружин, оказание первичной медицинской помощи, развитие школьного просвещения, денежная поддержка бедных семей). В то же время недостаточное внимание уделялось развитию метода «рецепции» корейской культуры, что на фоне определенных политических интересов государства в регионе создавало впечатление «русификации», хотя миссия не ставила таких целей перед собой. Исключительной чертой Владивостокской миссии стало успешное развитие переводческой деятельности и практическая реализация православного принципа евангельского служения на понятном языке, что в последние годы Синодальной эпохи позволило значительно улучшить миссионерское дело. С точки зрения перспектив практика показала, что: а) кадры для духовенства из числа иммигрантов необходимо начинать го-

товить сразу же, б) миссионерские станы важно включать в общепархиальную жизнь, предотвращая формирование «мигрантского гетто».

В целом Южно-Уссурийский край стал важнейшим миссионерским центром распространения Православия на юге Дальнего Востока, в северо-восточном Китае (Маньчжурии) и среди корейцев.